

2024

2024

ПО ВЕРСИИ

**СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО • ОЛЕГА ДИВОВА
ВЯЧЕСЛАВА РЫБАКОВА • ЕВГЕНИЯ ЛУКИНА
ВИКТОРА ТОЧИНОВА • КИРИЛЛА БЕНЕДИКТОВА
ДМИТРИЯ КАЗАКОВА • АНТОНА ПЕРВУШИНА
ЮЛИИ ЗОНИС • ВАСИЛИЯ МИДЯНИНА
ЮРИЯ БУРНОСОВА • ДАРЬИ ЗАРУБИНОЙ
СЕРГЕЯ ЖИГАРЕВА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Д23

Компьютерный дизайн *В. Половцева*
Разработка макета *И. Гришиной*

Д23   2084.ru : [сборник] / Москва : Издательство АСТ,
2018. — 416 с.

ISBN 978-5-17-111256-1

Что день грядущий нам готовит?

Как отличить звон колокольчиков от первых звуков колокола,
что «звонит по тебе»?

Как отличить полет фантазии от предсказания?

Антиутопия — жанр, получивший в последнее время невероятную популярность. И, вероятно, не в последнюю очередь благодаря тому, что самые мрачные предсказания фантастов имеют обыкновение исполняться. Иногда — почти буквально, как у Оруэлла в зловещем «1984», иногда — частично, как у Замятина, Брэдбери и Хаксли. Случайность? Совпадение? Но ведь когда-то людей Слова считали пророками, которым иногда, яркими вспышками, открывается будущее. Так, может, стоит внимательнее взглянуться в грядущий день, нарисованный воображением современных фантастов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111256-1

© Составление. А. Синицын, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ОЛЕГ ДИВОВ

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ**

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно. «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт.

В. И. Ленин

Зону Ц отделял от зоны Б высокий глухой забор с «колючкой» поверху. Андрей Гуляев сам строил этот забор и ненавидел в нем каждый гвоздь. Более халтурной и некрасивой вещи он в жизни не делал. Его угораздило попасть в лагерь одним из первых, когда и лагеря-то еще не было как такового, только зона А. Гуляева назначили бригадиром, дали под начало дюжину пузатых обормотов, каких-то, блин, литературоведов, не державших в руках ничего тяжелее стакана, и приказали строить забор. Весной, в грязище по колено: едва ковырни лопатой, и яму тут же заливает водой доверху.

Гуляев, по счастью, не знал, для чего эта глухая стенка поперек лагеря, а то бы сразу лег и помер от голода. Тогда порядки были простецкие: не хочешь работать — не дадим жрать. Литературоведы жрать хотели. Пару дней поголодали — и захотели. И вспомнили, что умеют держать в руках не только стаканы. Когда узнали, что, если один отлынивает, голодать будет вся бригада, они еще и мордобой вспомнили.

Охрана держалась в стороне. Ей только этого и надо было — нагнетать общее озверение. В идеале — перессорить всех со всеми.

Тянуть колючую проволоку Гуляеву пришлось в паре с писателем-фантастом, каким-то пришибленным, спавшим на ходу, и тот порвал ему «колючкой» ладони. Когда писатель в первый раз не вовремя дернул проволоку, Гуляев на него прикрикнул. Во второй раз — подошел, показал царапину и объяснил, что так делать нельзя. Фантаст молча кивнул — и через минуту снова дернул. Гуляев, который сам уже из по-

следних сил держался, чтобы не загрызть кого-нибудь, дал ему в морду, свалил наземь и принялся пинать. Фантаст катался по грязи, закрывая руками лицо. Бригада стояла полукругом и одобрительно наблюдала. А потом, когда Гуляев остыл, фантаст кое-как поднялся и ушел. Ушел в зону А.

«Твою мать, что ж я наделал-то...» — буркнул Гуляев, провояя его взглядом.

«Не бери в голову, — сказали ему. — Он и так уже спекся. Днем раньше, днем позже...»

Но с этого момента никто в бригаде ни на кого даже голоса не повысил. И работали дружно на загляденье. Только все равно забор вышел такой же кривой и косой, как лагерная судьба художника Гуляева.

Когда строили, гадали, что за забором будет. Тут бараки, там бараки, никакой разницы. Думали, «женская» зона. Оказалось — зона Ц. Настоящий концлагерь из тех, где «девять плачут, один смеется».

Гуляев провел там в три приема месяц, дольше всех. Сам не понял, как так вышло. Он бы и не знал, ему Генка Бергман сообщил по большому секрету. Гордись, сказал. Рекордсмен лагеря: дольше всех в зоне Б, дольше всех в зоне Ц, и вообще последний, кто остался из первой партии.

Неужели последний, не поверил Гуляев.

Так точно: остальные либо уже давно несут пропаганду в массы, либо сейчас в зоне А отъедаются, либо в земле отдыхают.

* * *

... Гуляев шел вдоль забора и поражался его уродству. За забором вдалеке кто-то надрывно кричал, но это Гуляева не волновало. От настоящей боли не кричат. От настоящей боли глаза на лоб, и задыхаешься. От нее сдохнуть впору. А вот забор некрасивый феноменально. Гуляев умел ловить красоту даже в полном безобразии, он мог черт-те что так схватить, под таким углом, в таком свете, чтобы выглянуло из дурного прекрасное. Это было и в профессиональном смысле интересно, и просто жить помогала редкая способность «видеть позитив» — так обзывали гуляевский дар журналисты. Позитив

тив? Да ну. Он просто видел людей и вещи как они есть. Вот забор этот поганый, например.

Гуляев подозревал, конечно, что он малость не такой, как все. Только одно дело рисовать яркие образы и слышать от зрителей, что ты «видишь мир под особым углом». Совсем другое — когда пришли *грузья*, и ты вдруг оказался уникалом, одним на много миллионов, который их видит. И может другим показать, насколько они страшны.

Гуляев нарисовал *грузей*. И в двух словах приписал: не друзья они вам, а паразиты. Интернет уже фильтровали, но картинка успела разлететься по всей планете. А назавтра за художником пришли красивые молодые полицейские с гладкими довольными лицами. Непреклонно вежливые и убедительно улыбчивые.

Они все время улыбались, эти, *принявшие друга*. Им было хорошо.

Полицейские объяснили художнику, как он ошибается, и предложили ему на выбор три статьи УК, 129-ю, 130-ю, 282-ю. Или все вместе. Или быстренько *принять друга* по-хорошему. Художник только посмеялся, а зря. Он тогда еще не понял, до чего все в стране переменялось. Как теперь все будет быстро и эффективно. Понял, когда было уже поздно бежать.

Через неделю он стоял под дождем посреди чистого поля, обнесенного наспех поставленной изгородью из колючей проволоки, и таращил глаза на красивый решетчатый забор зоны А, правительственного санатория. К вечеру он уже помогал возводить бараки. Днем позже ему приказали строить некрасивый забор.

В лагере тогда было всего-навсего человек сто таких же «клеветников», «оскорбителей» и «разжигателей вражды к отдельным социальным группам». Правда, *грузей* видеть никто из экстремистов не умел, они так, путем умственных сопоставлений до верных выводов дошли. Или органолептическим методом, как уверял профессор Леонов. Говорил, что от человека, *принявшего друга*, за десять шагов несет гнилью.

Лагерники посмеивались, а Гуляев профессору сразу поведал. Он — видел. Этот — чуял. Должны были найтись и другие. И нашлись. Генка Бергман испытывал к *принявшим другу*

га чисто тактильное отвращение: не мог допустить и мысли, чтобы прикоснуться.

Хотя выглядели они, эти «новые люди», безусловно. И верное название себе придумали: действительно будто новые, как вчера с конвейера. Аж блестят. Аж тошнит от этого блеска. Другой бы на месте Гуляева порадовался: симбиоз с *гругом* превращал заурядность в личность, а серую мышку — в красавицу. Друг не только делал человека здоровым, довольным и уверенным в себе, он выделял самые его интересные черты и подавал их в наиболее выгодном свете.

Это было бы очень мило, кабы не знать, что такое *груг* и какая на самом деле пустышка «новый человек». Какой это новенький, с иголки, дурак. Ничуть не лучше того, что был. Но теперь это дурак самоуверенный и готовый с каннибальским простодушием устранять все преграды на своем пути в Светлое Будущее.

* * *

Гуляев помнил, когда ему стало по-настоящему страшно: где-то дней через десять. В лагерь приехали агитаторы — «прогрессивные философы» и политологи, модные журналисты, добровольно *принявшие грузей* в первые дни оккупации. Раньше они казались Гуляеву всего-навсего патентованными мерзавцами, гнидами телевизионными обыкновенными, а тут он их вплотную разглядел — и испугался.

Он ждал увидеть хитрецов, проходимцев, идейных предателей, наконец, а это оказались просто образованные дураки. Существа опаснее любого иуды. Потому что образованный дурак всегда уверен в своей правоте — у него же есть диплом, а то и ученая степень! Как он может быть неправ?! И когда такой дурак умными словами, по-ученому, говорит из телевизора, какое великое счастье принесут Родине и всему человечеству *грузья*, он эту свою дурацкую правду вбивает обывателю как гвоздь в голову. Обыватель начинает верить. Подлеца обыватель печенкой подозревает, а образованному дураку он сдается без боя.

У Гуляева тогда нехорошо задрожала в руке лопата, но охрана приказала сначала сдать инструмент, а потом уж идти

на лекцию. Слово-то какое нашли — лекция... Зоопарк. Цирк с конями. Сытые, гладкие, чистенькие агитаторы не выглядели особенно «новыми», они вообще не переменились, они были такими же точно, как их изображения на телеэкране. И все с тем же пафосом, с той же верой в свои слова, как раньше разглагольствовали о благе России и патриотизме, они теперь призывали несознательную часть «интеллектуальной элиты» послужить Родине в новом качестве — на стороне оккупантов... Пока шли разговоры о том, как хорошо человеку с *другом*, лагерники только кривили заросшие физиономии. Но когда раздалась фраза: «Мы же с вами интеллектуальная элита!», тут народ не выдержал. Охрана в те дни еще не вполне сжилась со своей палаческой ролью, да и «контингент» лагеря считался ценным. Поэтому до того, как началась стрельба на поражение, интеллектуальная элита успела выбить зубы прогрессивному мыслителю, а одну журнашлюху мужского пола втоптала в грязь едва не заподлицо.

«Все, Андрюха, мы проиграли, — сказал Бергман, утирая кровавые сопли: прикладом ему прилетело. — Эти твари страшнее Геббельса. Потому что не врут. Они не врут ни словом, это видно. Я одного не понимаю: мы-то им на хрена нужны?..»

«Потому что вы, Геннадий Иосифович, интеллектуальная элита! — бросил ему комендант лагеря, проходя вдоль строя. — Ступайте-ка в санчасть, пускай вам нос починят...»

Санчасть была там же, где комендатура, — в зоне А. Даже глядеть в ту сторону считалось западло. Бергман поупирался для приличия и пошел: интересно же. Вернулся задумчивый. Сказал, там действительно санаторий и ничего больше. Персонал внимательный, есть девчонки симпатичные. Все уже «новые», конечно. Довольные, прямо светятся. Говорят, вот *приняли* бы вы *друга*, господин Бергман, могли бы хоть каждый день нос себе ломать.

Видел бы ты того *друга*, сказал Гуляев.

Видел, кивнул Бергман. На твоём же рисунке.

Гуляев только хмыкнул. Рисунок был недурен, но не передавал той мерзотности, с которой *друг* шевелил длинными вялыми лапами, тряс жирным морщинистым брюхом... Когда мимо шел комендант, Гуляев во всех подробностях разгля-

дел паразита, устроившегося у того в груди, прямо на сердце. Полупрозрачный паук. Только наши пауки, земные, бывают и симпатичные. А этот... Чужероден до предела, до тошноты.

И паук коменданта потихоньку жрал.

Выедал изнутри.

* * *

...Двести шагов вдоль забора — и обратно. Бродить, просто бродить, ни о чем не думая. Левый ботинок совсем ни к черту, скоро развалится. А это важно? Хорош он сейчас небось со стороны: бородаща, стоптанные башмаки, драные джинсы, футболка неопределенного цвета и поверх нее твидовый пиджак, настоящий профессорский, подарок Леонова. Старик отдал его Гуляеву, уходя в зону А. У Леонова и так были нелады с сердцем, а тут он просто загибаться начал, и шанс был единственный: сдаваться *гругу*. Гуляев помнил, как переменялся этот суровый дед, осознав, что жить осталось всего ничего, а медицинской помощи ему не окажут. Вопрос ведь стоял не «умри или продай своих», а «умри — или продай своих и стань здоровым, молодежавым, довольным». Да и кого продавать-то? Народ, который никогда тебя не понимал и всегда плевать на тебя хотел? Или тысячу, жалкую тысячу идиотов, непонятно чего ради кочующих из зоны Ц в зону Б и обратно?

Леонов, наверное, давно об этом размышлял, а тут у него появился честный повод сдать. Никто не осудит. Ну, плечами пожмут самые упертые, и только. Вот как он справится со своей брезгливостью... Ведь от «новых» воняет. Это не их собственный запах, это заметный одному Леонову запах паразита-невидимки. А *принимать груга* можно только по доброй воле.

В этом вся загвоздка: *груг* способен подселиться в человека, только если тот сам впустил его. *Друг* — это энергетический сгусток, он не может наброситься на тебя, заломить руки и завладеть твоим телом без спросу. В его силах только нащупать контакт с нервной системой и через нее обратиться к человеку с просьбой: впусти меня, пожалуйста, не пожалеешь. Еще он может убить, опять-таки через нервную систему: заблокировать ее, и бантики. Но если человек, почувствовав вторжение *груга*... Проклятье, какого друга?! Оккупанта, па-

разита! Так вот, если человек, почуяв, что в его ментальное пространство кто-то лезет, немедленно в ответ упрется, выстроит воображаемую стенку, да просто разозлится — *груг* вообще ничего не сумеет с ним сделать. Разве что попросит своего предыдущего носителя дать человеку в морду. Но человек и ответить может.

Интересно, на чьих плечах — буквально — въехали *грузы* в Кремль. Интересно, не с пресловутых ли «зеленых человечков» они перескочили на американскую администрацию. Есть, кстати, версия, что зеленых *грузы* сами вырастили в качестве промежуточных носителей, уж больно те странные.

Все байки-страшилки оказались правдой. Неведомая треугольная фигня, висевшая в небе над Кремлем, была не шуточной видеолюбителей, не приколом из интернетов, а челноком, доставившим с орбиты новую партию оккупантов.

Друзья орудовали тут давно, верных полвека — так говорил Леонов. До него, крупнейшего русского социолога, оккупанты снизошли, удостоив доверительной беседы, и кое-какие выводы он сделал. «У них есть наука вроде психоистории, которую выдумал Азимов... Не читали? Если коротко, они могут довольно точно рассчитывать последствия любых политических решений на много лет вперед. Для каждого влиятельного земного государства у них был отдельный сценарий — как загнать нацию в такое положение, чтобы люди сами с радостью приняли оккупантов. Никаких глобальных войн, естественно, мы ведь им нужны живые, только постепенная дестабилизация. Но, как мне показалось, что-то у них не срослось, и им пришлось начать вторжение раньше срока. Может, их прежние носители вымирать начали... Не знаю. А мы для них, как бы сказать поточнее... Батарейки. Здоровье, устойчивость к повреждениям, удивительная способность к регенерации, которую дает человеку паразит, это все, я думаю, ненадолго. Это просто чтобы данная особь хомо сапиенс успела оставить и вырастить потомство. А на самом деле молодого человека паразит сожрет лет за тридцать. А старого... Стариков они пока что используют, чтобы убеждать молодых. Им прекрасно известно, какая у нас тут иерархия. Когда старики выполнят свою задачу, их либо быстро выпьют до дна и выкинут, либо выкинут сразу...»

Леонов был ценным стариком и понимал это.

Вдобавок ему с чисто профессиональной точки зрения интересно было посмотреть, «чем все это кончится». Человеческую личность *друг* не стирал, не подминал под себя, он контролировал ее строго косвенно и без кнута, одним пряником. Можно было *принять друга* и остаться собой. Ну, почти собой. Критически оценивать реальность ты уже не смог бы. Она бы тебе для этого слишком нравилась.

Человеческую массу *грузья* контролировали тоже пряниками — до поры до времени. Когда власти обратились к «дорогим россиянам» и представили им *грузей*, да не просто как друзей, а как спасителей России, страна натурально впала в ступор. Сбылась вековая мечта человечества, мы встретили братьев по разуму, бла-бла-бла...

Но когда минутой позже объявили: землю — крестьянам, фабрики — рабочим, малому бизнесу зеленая улица, и каждому гражданину — пожизненная нефтяная рента... Настоящий социализм, только без большевиков... И тебе, вот тебе лично — здоровье, долголетие, сила... И никакой больше коррупции: ведь каждый «новый человек» видит своего собрата насквозь и чуть ли не мыслями с ним обменивается. И никакой преступности, ведь все «новые» — братья и сестры. И никаких больше войн. А еще мы научим вас летать в космос. Если захотите, конечно...

Страна раскололась буквально за день. Половина россиян была готова принять такие блага хоть от черта лысого. Половина, напротив, хоть от черта лысого, только не от подозрительно добреньких инопланетян.

Никто в лагере не знал, как далеко и глубоко зашел раскол: контингент успел увидеть только начало процесса и стал «контингентом». Гуляев то ли ждал, то ли подсознательно хотел гражданской войны. Леонов считал такую возможность маловероятной. Бергман, специалист по рекламе, сказал, что «у нас дураков под девяносто процентов, но было бы ошибкой путать дураков с идиотами», и этой туманной фразой ограничился. В качестве поощрения лагерникам давали раз в неделю полчаса посмотреть телевизор, но с экрана лилась такая сладкая патока, что тошнило даже самых измученных и готовых вот-вот сдаться.

Понятно было, что идет интенсивная промывка мозгов. Значит, осталось еще кого соблазнять и уговаривать.

И никто не мог даже предположить, что творится в остальном мире. Репортаж о трогательной, чуть ли не с братскими лобзаннями, встрече лидеров «большой восьмерки» никого ни в чем не убедил: ежику понятно, кто это на самом деле встречается и договаривается.

Даже не предатели. Безвольные марионетки.

И вот такой марионеткой стал теперь умница Леонов. А Гуляев носил его пиджак, стараясь не думать, что скоро осень, и кто знает, дадут ли на зиму телогрейки. Кто знает, доживешь ли тут вообще до зимы. Правда, вся зона Б вкалывала на заготовке дров, но это могло быть блефом, просто чтобы контингент затрахался...

* * *

Чем однозначно хорош профессорский подарок: можно заложить за борт пиджака изувеченную правую руку, чтобы не болталась.

Прими друга, и рука выздоровеет сама собой.

Прими друга, и перестанут беспокоить отбитые почки.

Прими друга.

С плаката, наклеенного на забор, Гуляеву подмигивал известный кинорежиссер. «Я умирал от рака. Теперь мы с другом снимаем великий фильм!» Убедительно, ничего не скажешь. За ним модный писатель-сатирик, улыбка до ушей: «Если друг оказался... Вдруг!» Смысл этого слогана от Гуляева ускользал, но Бергман говорил, что чем глупее, тем смешнее. Чуть дальше смазливый парень, актер, наверное, уверял, мол, «от них с другом можно ждать чего угодно». Ну-ну... И попсовая певичка, загадочно улыбаясь, сообщала: «Только с другом я узнала, что такое настоящий секс».

Мелюзга, коллаборационисты первой волны, бросившиеся к *грузьям* в объятья сразу и не раздумывая. На днях из зоны А должна была выдвинуться тяжелая артиллерия идеологической войны. Не дурилки картонные, а действительно умные люди, которые смогут убедить кого угодно. С кем-то из них Гуляев вместе отделявал бараки, с кем-то рядом его ломали